

Касымхан Бегманов – выдающийся поэт, общественный деятель, заместитель председателя правления Союза писателей Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, награжден орденами «Құрмет» и «Парасат»; лауреат премии Союза молодежи Казахстана, международной премии «Алаш» и независимой премии «Ильхам», республиканской литературной премии имени Т. Айбергенова. Имеет почетные звания «Ұлт қайраткері» и «Алаш Арыстарының ізбасары». Почетный гражданин г. Туркестан, г. Кентау и Сауранского района.

КАСЫМХАН БЕГМАНОВ ЗАВЕТ АЛАШОРДЫ

Поэма

*Дулатов, Байтурсунов, Бокейханов,
знаю сам я об этих трех героях.
Разве не были они в прошедшие черные дни
Солнцем один, звездой Шолпан¹
– второй и третьей – Луною.*

Султанмахмуд Торайгыров

*Если бы оставили меня в живых,
казахский народ имеет право
на ханского сына, я не смог бы
не служить казахам!*

Алихан Бокейханов

*Сокол мой, бдительность позволяет мне писать!
Тулпар мой, я не очень устал,
Вы хотите исцелить кучу ничтожных людей?
На вершину справедливости я их потянул.*

Ахмет Байтурсунов

*Мы, сторонники независимости
Туркестана, будем бороться за волю своей
страны и за освобождение народа нашего
Туркестана от колониализма.
У туркестанцев не было иного пути.
И сейчас нет, и после этого не будет...*

Мустафа Чокай

*Лежит дитя, которое кормилось
материнским молоком.
Красивое ясное озеро.
На этом небольшом кладбище
Лежит древний Туран-Туркестан.
Его нет на какой-либо карте,
Неразделимая страна.*

Автор

I

*Эта степь вся в извивах путей вековых,
С городами, с руинами кладбищ глухих.
Воеет ветер, что всё здесь тоской просквозил,
Птичьи стаи взвываются с ветхих могил.*

*Степь, бескрайняя степь, чья широкая грудь
Вся исхожена тиграми, – не оглянуть!
Но не в этой земле прах покоится ваш,
Храбрецы, защищавшие предков Алаш!*

¹ Шолпан – казахское название планеты Венера.

Степь, наследие дедов, удел золотой,
Отчего ты наказана лютой бедой?
Ты угрюма... Не всё нам поведать смогла
Скорбь балбалов², застывших немой чередой.

Степь, наследье великое, предков страна,
Чьих преданий исток – всех времён глубина.
Вместе с нами льют слезы над ней облака,
Оттого ль, что припомнила павших она!

От врагов утаившая тайны свои
Степь в цветах, приняла она ливня струи...

Смотрят дети на фото, что сняты давно,
Но печали былой им постичь не дано.

Как понять, что здесь голод безжалостный был!
Стольких словно бы огненный вихрь истребил,
Прах столь многих – вдали от отцовских могил...
Кто сюда завернёт, пусть почитит их словами Корана.
Спешься.
Рядом постой,
Остудив свой скитальческий пыл.

II

Как белая луна вступает в желтый дол,
Попробуете ль вы жизнь озарить мою?
В страну богатырей с волнением я пришёл...
Но где они теперь?
Искать в каком краю?

Мечтанья их смела и затопила грязь,
Свирепая вода, нахлынувшая с гор.
Не смотрит на меня, стоит, отворотясь,
Все заслонил пути угрюмый косогор.

Вновь на заре звучат напевы давних дней...
В тот год их заглушил потопа грозный гул.
Лавина пронеслась, вскипая всё бурней,
Дороги оборвав, смыв полностью аул.

Того, кто предавал, уже ты не найдёшь,
И всё же он успел, стирая и скобля,
Преданье исказить, и скрыла правду ложь,
Свой изменила цвет от всех невзгод земля.

Ушедшие ушли... Дорога далека.
Когда же времена жестокие пройдут!
Да, Атырау мой, Алтай, Сарыарка,
Чего в былые дни ни совершалось тут!

Как медный чайник, взвыл и закипел буран.
Кто был здесь погребён? Припомни имена!
Степь кладбищем седым укрылась, и багрян
Становится рассвет – его ждала она.

² Балбалы – древнетюркские каменные изваяния.

Поодаль цепи гор в раздумьях встали в ряд,
А воды всё бегут, мутятся и бурлят.
– Создатель, сохрани казахский мой народ
Здесь, в мире перемен, круженья и утрат!
Как будто боль мою природа поняла.
И расступилась тьма, явила звезды мгла.
...Вот верный волкодав
И черный аргамак,
И юрта отчая
Что им была мила.

Так что же ты молчишь, скрывая повесть лет?
Нет, помню я о тех, кто подлинно велик,
Кто по родной земле прошёл, оставив след..
И плещет зыбь озёр, вобрав народный крик.

– Мой город Туркестан, веками осенён,
Со мною дожил ты до нынешних времён!
Ты песни сохранил,
Мелодии
И ритм...
Какие тайны скрыл, какой ты видишь сон?

– Прости, Алашорда!
Чей город, с жизнью чьей,
С отчаянием чьим скрыт маревом степей?
Там рана, что в груди ещё не зажила,
С теченьем долгих лет лишь затвердеть смогла.

Коль лучших из людей, рожденных в те года,
У нас в земле родной
Не могут погresti,
Коль караван ушёл, и сбились мы с пути,
Коль запоздало мы спохватимся, тогда
Прости, Алашорда,
Прости ты нас, прости!

III

О, родная земля!
В небесах над тобой гуси кличут кого-то и дальше летят.
Мало ль в их голосах той тоски вековой,
Что осталась в душе, столько знавшей утрат?
Полыхаю в ночи
Красным углем в печи!

Позабыть заставляли былую беду,
но ничем не удержишь времён ураган.
И в стихах открывали мне Алашорду
Безутешные
Султанмахмут и Магжан!
Помню я их глаза, жгучих полные слёз,
Наступивший до осени злой листопад,
И народ, что клеймил и в неведение рос,
Столько лет принимавший империи яд.

Где ж в потомстве мои Мустафа, Алихан?
Что мне время, летящее вихрем в туман,
Что мне сердце, чей пламень так бурен и рыан,
Что мне девушек взгляды и славы дурман,
Что грядущие книги, собранья поэм,
Если я пред священной памятью нем!

Юность наша на месте осталась, когда
Мы жилища меняли...Всё помним её.
Гордый дух воскресила в нас Алашорда,
Возвратила нетленное нам бытие.

Стихотворству учил вдохновенный казах,
Но тоска Айбергенова³ впредь не по мне.
Не хочу воспевать я красавиц в стихах.
Жизнь подобна миражу в своей быстрине.

Волчий вой за аулом – как наша тоска...
И величие свято и скорбь велика.
Мы вошли в этот мир, унаследовав прах,
Так придёт ли единства казахского день?
Что поделать с тобою, о, брат мой, казах!
Ты по воле Создателя твёрд, что кремень.
Вот в холодном архиве сижу день за днём,
Разбирая бумаги, желтевшие в нём.

Свет твой слабо струится из дальних времён,
И, хотя посторонними я окружён,
Слышу звучный твой голос – так радует он...
Ах, сковали тебя и Москва и Берлин,
Всё прошло, и вдали от родимых долин
Тоньюкуку⁴ подобный почил исполин.

О, герои мои, не исчерпан рассказ!
Верно, я – не последний, кто скажет о вас,
Мы ещё не прощаемся с Алашордой.
В этом небе не стать мне вечерней звездой,
Каплей крови хочу быть в неистовый зной.

Отчего ж из грядущего, богатыри,
Великаны и славные ханы мои,
Кровь терявшие, ждавшие алой зари,
Вашей жажде не смог уделить ни струи?
Душу будит мою ваших помыслов рой,
И со мною – Чокай, величайший герой.

Можно век свой прожить, не оставив детей,
Без могилы остаться возможно ль кому?
Ваша участь всего, что возможно, лютей...
Словно сам погружаюсь в могильную тьму.

³ Толеген Айбергенов – казахский лирик.

⁴ Тоньюк (646–726) – знаменитый деятель Второго Тюркского каганата.

Что червонец тому, кто и меди не знал!
Что невеждам таким повесть бед и обид!

Мир души, истощившийся, словно Арал,
Наполняется вновь и в пустыне бурлит.

Начертать на надгробьях стихи не смогли,
Не почтили поминками, горстью земли,
Там и савана не было и никакой
Суры, с чувством читаемой за упокой.
Там читать бы Коран... Но ведь нет и могил!
Кто б внимание на слёзы твои обратил!

Ты не плачь, не грусти, не горюй, молодёжь!
Ты ещё до открывшейся правды дойдёшь;
С мыслью многовековой ещё долетим
До высокого духа, что неукротим.

Что ж, однажды, как прежде, родив исполина,
Нам подарит казахская женщина сына.
Вновь воскреснет народ мой, сойдясь воедино.
Я сию над теченьем, река всё полней...

Новый век принесет нам поэм череду.
Вспомнив жизнь отдававших отчизне своей,
На иссохшей земле я стою, я в бреду!

Драгоценный народ мой, ты бодр и горяч!
Нелегко, но промчались года неудач...
Я стихами хотел бы казахов утешить
И с разорванным сердцем сложил этот плач.

IV

Молодежи, что в лучшие дни рождена,
За мучения предков воздастся сполна...
Первым делом приснится судьба Алихана,
Если казней припомнятся мне времена.

Вспоминаю забытого кладбища тишь,
Там сегодня лишь камни и рослый камыш...
В этот город приехавший из Оренбурга
Алеке возвратился на Чёрный Иртыш.

Да, в бескрайней степи, что в цвету хороша,
Алеке побродил над водой Иртыша.
В этом крае Алаша задумал он думу,
Переполнилась замыслом гордым душа.

Он метался в бессоннице вещей своей,
А рассвет между тем становился ясней.
Волновалась, как будто бы тайну скрывая,
Шла река, разделяя огромный Семей⁵.

...О хуле, клевете думал я на заре,
 О грехах и геройствах, присущих поре,
 И, волнуясь, простёр свою руку к Аралу,
 К скалам Туйемойнака, воспетым Амре.
 Не забудь этой даты, народ мой родной!
 Сын твой, радуясь, праздновал вместе с тобой...
 Сразу после азана⁶
 В тот день желтоксана⁷
 Стяг Алаша был поднят над нашей страной.

Слёзы скрыл от народа в тот день Алеке.
 Турагою⁸ был избран, и сабля в руке.
 Срочно создал он вольное войско Алаша,
 Ибо недруги, кажется, не遠деке.

Славным было начало...Ещё как-нибудь
 Много тайн бы узнаем про доблестный путь
 Мустафы, Алихана, Ахана, Жакана⁹,
 Что Империи гору стремились свернуть.

О, великий народ мой, о, доблестный край
 В свете будущих зорь, в песнях мчащихся стай
 Всё же ты Жаханшу и Халела, Смагула¹⁰,
 Алимхана Ермекова¹¹ не забывай!

В нашем веке, но с предками накоротке,
 Правду их в материнском испив молоке,
 Мустафа и Каныш и Мухтар с Маргуланом¹²
 Оправдали всей жизнью мечту Алеке¹³.

И Аллах ниспослал в дни кровавой поры
 Волю, ум и талант и другие дары
 Алихану, сказавшему веское слово
 О походе отважного Кенесары.

Пусть вздымается стяг!
 О, народ мой, пылай,

⁶ Азан – призыв муэдзина к обязательной молитве.

⁷ Желтоксан – казахское название зимнего месяца, соответствующего декабрю. Точная дата создания алашского правительства – 13 декабря 1917 года.

⁸ Турага – предводитель, глава.

⁹ Имеются в виду Мустафа Чокай, Алихан Бокейхан, Ахмет Байтурсынулы, Мир-Якуб Дулатов.

¹⁰ Жаханша, Халел Досмухаммедов, Смагул Садуакасов – видные деятели Алашорды.

¹¹ Алимхан Ермеков (1891–1970) – член правительства Алашорды, первый казахский профессор-математик. На совещании Совета народных комиссаров в августе 1920 года выступил с докладом о состоянии Казахстана и смог отстоять границы Казахской автономии, добившись возвращения в её состав ряда территорий.

¹² Мустафа Чокай, Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Алькей Маргулан.

¹³ Алихан Бокейханов был первым исследователем, давшим справедливую оценку освободительному движению Кенесары-Наурызбая: в 1923 г. под редакцией великого лингвиста Е. Д. Поливанова и Халела Досмухаммедова вышел в свет важный труд «Материалы к истории Султана Кенесары Касымова».

И гореньем духовным прославится край!
Ну, чего пожелать еще в мире джигиту,
Коль с ним рядом сестра,
Что подобна Бопай!¹⁴

В стольких битвах, где хан был Аллахом храним,
Десять лет провела она с братом своим.
Шестерых сыновей на коней посадила,
Презирая нашедшихся трусов, ханым.

Отвечая ударом на каждый удар,
Хан сражался, смертельный предчувствуя жар.
Вспоминаю всегда о Бопай благородной,
Если кюй Таттимбета звучит «Косбасар»!¹⁵

О, мой скорбный напев
Про «одиннадцать ям»!¹⁶
Так тесны эти щели, но хан столь упрям...
И отца-несчастливца и Наурызбая
Долго, долго Сыздык¹⁷ всё разыскивал там.
В битву с песней геройскою шли «Елимай»!
Годы тяжки, что камни, – беды чрез край.
«Лишь о нынешнем дне помышленья народа», –
Как Ахан говорил¹⁸... Что ж ты, юность, внимай!

Пусть, победы в сражении не одержав,
Вы погибли, но дорог нам доблестный нрав.
Вы потомкам такую оставили землю,
Где свободны бы семь разместились держав.

Пусть растопит весна и сугробы и льды,
Мы спасителем родины будем горды.
Нашу ношу несём, чтоб вручить молодёжи
Сей наказ от Аллаха и Алашпорды.

И название страны удержали года,
Это наш каганат Золотая Орда.
– Люди, люди, Аллаха завет и Алаша
Невозможно казахам забыть никогда!

Знал провидец, что пламень ещё не угас.
Что страна расцветёт при потомках, при нас.

¹⁴ Ханша Бопай, младшая сестра хана Кенесары. Эта казахская принцесса, не находя поддержки у родни мужа, в течение одиннадцати лет участвовала в походах брата вместе с шестью своими сыновьями.

¹⁵ Кюй (напев) Таттимбета относится к мелодиям эпохи Кенесары. Старики говаривали, что ханша Бопай не стала и смотреть на Таттимбета, который не смог принять участие в освободительной войне.

¹⁶ Имеются в виду «Одиннадцать оврагов» в Прииссыккулье, где вместе со своими соратниками погиб хан Кене.

¹⁷ Сыздык торе – батыр, сын хана Кенесары.

¹⁸ «Народ живёт нынешним днём, а мои старания – ради завтрашнего» (Ахмет Байтурсунов).

Да неужто невежды доселе не знают,
Как постыдно забыть неизменный наказ!

И в печали, которой скончания нет,
Все оставив заботы для горьких замет,
Смог, Ахан, заглянуть ты в народную душу.
Двадцать три свои плача ты вынес на свет!¹⁹

Свет разлиться не смог, пребывала во сне
Эта степь... Но проснись же в свободной стране!
...Нам поведали давние летописанья
О гибели славного хана Кене.

Волей божьей ты создана, Алашорда!
Столько крови под землю ушло без суда,
И подвижники наши глядят с фотографий,
Смотрят прямо, всё видят они сквозь года.

Расставаясь с надеждой в злосчастные дни,
Скорбь и песню несли, не имея брони.
Посвящая стремленья и думы народу,
Не страшились ружейного дула они.

V
О, казахи! В честь павших поминки творят,
Почитают святыню надгробных громад,
Но когда вспоминаем героев Алаша,
Только слёзы сверкают в глазах и горят.

Подступают рыдания, и сумрак тяжёл.
Кто из жизни уходит, а кто и пришёл.
Пораженья когда-нибудь станут победой,
О грядущем вещает поэта глагол.

И однажды всё станет потомству ясней,
Свет небесный над степью рассеется всей.
Грусть-печаль этих некогда славных казахов
Слышим в песне
Про шесть перелётных гусей.

Столько лет мы вот этих не видели лиц,
Так бестрепетно смытых с газетных страниц!
Но, ведь если мы смерти самой не страшимся,
То и смерть перед сильными падает ниц.

На могилу сел голубь, прервавший полёт,
Придавила тяжёлая дума народ.
Алихан, Мустафа и Ахмет с Миржакышом,
Жусупбек и Магжан... Эта память живёт!

¹⁹ Под названием «Двадцать три плача» издал в 1926 году трагические стихотворные повести, охватывающие четырёхсотлетнюю историю казахов.

Что за грусть! Ах, ничто не вернётся назад!
Даром годы прошли, век безжалостно взят...
С фотографий желтеющих, нас испытую,
Джансугуров, Сейфуллин и Майлин глядят.

Что за звери на гибель отправили их!
Ну, а в сердце сегодня лишь горестный стих...
Алия и Маншук стали славою нашей.
Истребляя врага, не остались в живых.

Мир, что цвёл до меня, просиял и угас.
Как познать его тайны, исполнить наказ?
Этот юноша с гор, Алихан Бокейханов,
Как ты дорог казахам, как нужен сейчас!

Прах минувшего, пепел остался в руке...
И, страшись, что душа истощится в тоске,
Как бывало, Избранника ищут казахи,
Нарекают его – Алихан, Алеке.

VI

Вот сквозь слёзы глядит твой взрослеющий сын.
Бродят предков мечты средь бескрайних равнин.
Заживёт ли в душе эта старая рана,
Или в горькой тоске век пройдёт не один?

Но послушай меня! Паренёк, погоди,
Не смирайся и прямо в глаза погляди!
Верь: моя лишь со смертью иссякнет обида,
Жажда мести ещё не угасла в груди.

Эта жажда возмездья – жестокий недуг.
Мне почудились ливни... Как будто вокруг
Собрались поколения, рождённые в плаче...
Все светила небесные вспыхнули вдруг.

Что поделать – история сотворена.
Станут ею однажды мои времена.
Давней тайны, быть может, курган не откроет,
А уж сильно меня изнурила она.

Кто оплатит, вернёт мне всю цену потерь?
Глубину потаённого горя измерь!
Гибли вы за любовь свою к братьям-казахам...
Всё заставшая туча ушла лишь теперь.

Нас упрямы терзали – мучений не счесть!
Всё в душе моей можешь, народ мой, прочесть...
И стою я один перед солнцем закатным
В той степи, что безмолвно задумала месть.

Въелась месть в эти степи, что помнят их всех,
И в миражи, что бродят на склонах вон тех.

Время красной лисой убегает с оглядкой,
И остался вдали мой потерянный смех.
Что слова утешенья!
Ведь слёз я не лил
Из-за подлости чьей-то...
Бывало, бродил
Я по тропам тигриным... Святые вершины
Не понизятся, свет не отнять у светил.

По безлюдным пескам я блуждал, и, тяжка,
Уводила от мелких печалей тоска.
И, во мгле колыхаясь, росли предо мною
Снеговые хребты, восходя в облака.

Вольным волком мелодиям века внемля,
Пёсий лай презирая и сам не скуля,
Горевал я о гибели наших героев,
Но давала мне силу родная земля.

Скажут:
«Было всё это давно, не вернуть!»
Но не мог я в цветенье весеннем вдохнуть
Хоть немного веселья... Во имя возмездья
К вековому наследию пустился я в путь.

Пробужу ли уснувшего повестью мук?
Стал души близнецом этот горестный звук.
Но кого расспросить о печальной кончине
Тех, что приняли смерть из палаческих рук?

Этот стих горемычной исполнен тоски.
В нём кочуют века, зазвучав колдовски.
Тучи чёрные мечутся, не проливаясь.
Сохрани же, Аллах, жизни свежей ростки!

Вековую печаль попытавшись унять,
Всё же в вечность решились вы откочевать.
Раня души, вы белыми стали ветрами,
Чтобы в наших степях без конца повевать.

Тот, кто с бранью на вас поднимал свою плеть,
Постепенно увял, стал с опаской глядеть.
Вы в жилища казахов вступили томаами!
Будет груз караванов расти, тяжелеть.

Осенив молодёжь на туманной заре,
Эти книги достанутся и детворе.
Колыбельную в зыбке услышит ребёнок...
Подрастают грядущие наши торе.
Непреклонные горы
Встают над судьбой.
Содрогнётся и сгинет изменник любой.
Прозвучит, и в сознание всех поколений
Ваш наказ словно ливень войдёт голубой.

VII

В дивный вечер народ разговорчив, открыт.
Всё, что слышит, соседу сосед говорит...
Слышать вам доводилось, как плачет ребёнок,
Но не знали, как степи рыдают навзрыд.

– Эй, напрасно, учёный, ты столь нетерпим!
Здесь не вымысел – осеней повесть и зим.
В ночь дождливую видел я, как безутешно
Степь родная рыдает по детям своим.

Если яростно в поле бураны ревут,
Значит, братья зывают, забытые тут.
Им аулы тревожно внимают в надежде,
Что скитальцы друг друга однажды найдут...

Лишь открылась мне снимков былых желтизна,
Сразу горькая сердце хлестнула волна.
Что-то души кольнуло и перевернуло,
Погружая в покрытые тьмой времена.

Прошумевшей истории хлынул поток.
Устье тайны – в казахах, и в гуннах – исток.
И предстал предо мной в быстрой смене видений
Мой народ, что и в горе был духом высок.

Он остался, народ этой скорбной земли.
Наклонились бескрайних степей ковыли...
А они, не деля вас на жузы, улысы.
Всем вам молвив «люблю» и простившись, ушли.

Степь очнулась и дивную песню поет.
Как могли мы, смиряясь, терпеть этот гнёт!
Нет, нельзя разделить тебя с Алашордою,
Милый сердцу, любимый казахский народ!

VIII

– Свет очей моих, разве в порыве своём
Ради рифм я стараюсь! О том ли поём!
Не найдя погребений, Коран я читаю,
Обратившись в отчаянье на окоём.

Иступлённо кричащий,
Звонящий
Твой свет,
Твой журчащий родник, он иссяк, или нет?
Отчего же, прислушавшись чутко к молчанию,
Всё ищу?
Отзовись же и дай мне ответ!
Я узнал, как была ваша участь тяжка.
Ваше время волнует сильнее, чем века.
Словно немощный старец, расставшись с надеждой,
В древнем русле иссохшем безмолвна река.

Так ведь люди забывчивы –
Было давно,
Всё прошло, и уж многим теперь всё равно.
Будто молвить страшившийся некое слово
День склонился к закату,
И стало темно.

Там – сухие холмы, запропала вода,
И, как видно, цветам не взойти никогда.
Вдоль шоссе всколыхнулась и тут же исчезла,
Помотавшись, пропала в песках лебеда.

Горемычны просторы песчаных полей.
Мы дождёмся, и станет здесь жизнь веселей...
– Вечный друг мой! Лишь ты остаёшься со мною,
Кто ещё меня будет искать из друзей!

– Слушай, Алашорда!
Вечно в этой стране
Горевать о тебе, воспевать тебя мне!
Друг, ты вторишь горячим слезам Нисанбая²⁰,
Я клинок обнажаю, подобно Кене.

Долго ты не всходила,
Свободы заря!
Нет цветущего сада, лишь прах пустыря.
Тридцать лет ты в колодце держал Шакарима²¹,
Век, святыни мои растоптавший зазря.

Позабыт
Раб желаний, проживший во лжи,
Но о доблести павших, народ мой, тужи!
Сыновья двух сестёр – Шакерим с Алиханом.
Не забыты достойные наши ходжи!

Так. Весна наступила... Но знает ли край,
Что столь многие, и не промолвив «прощай!»,
Уходили из жизни, чтоб без вести сгинуть?
Так исчезли султанша Бегим²², Бошонтай.

Мчусь на лучшем тулпаре до края Земли.
Волк со мной приручённый... Шумят ковыли.
Вот, как бедный Кейки²³, я скитаюсь в пустыне,
Где, пленив его, голову с маху снесли.

²⁰ Нисанбай – поэт, участвовавший в возглавленном Кенесары движении с начала до конца и сочинивший об этом стихи в жанре «толгау».

²¹ Поэт Шакарим был расстрелян 2 октября 1931 года в возрасте 73 лет. Его тело было брошено в колодец, и лишь через три десятилетия сын поэта Ахат выкопал кости отца и похоронил их возле могилы Абая в Жидебае.

²² Бекжан, мать Алихана Бокейханова, в народе почтительно именовали Бегим ханым, она была сестрой Бошантай, матери Шакарима.

²³ Имеется в виду Кейки-батыр, во время гражданской войны сражавшийся и с красными, и с белыми.

Через все времена, через марево лет
По степям проношу я Алаша завет.
Как Ахан, я в пустынном безлюдье горюю,
На кургане рыдаю я, как Махамбет²⁴.

Словно агнец, готовый стать жертвой, – акын.
Красоту он и доблесть поёт до седин.
И ушедшим столь рано героям Алаша
Мог бы верность хранить, и оставшись один.

Наша Алашорда, ты – цветущий побег,
Ты, как ветвь, устремлённая в будущий век.
Горькой мукою люди твои показали,
Как любили страну этих пастбищ и рек.

Научили, как надо любить, и народ
К предстоящим векам увлекали вперёд.
Путь, как выжить и жить на земле, указали,
Но разрушила мир буря бед и невзгод.

Эта Алашорда – красота без прикрас,
С ней мы встретили воли и доблести час.
Это – парус, который по синему морю
С первых дней увлекает к грядущему нас.

Это – клич боевой, что в наследство мне дан,
Это – вечный завет и святой мой Коран,
Это – сокол, взмывающий в небо над нами,
Это – свет мой, которым рассеян туман.

Это – песня любимая – Алашорда,
Молодые ростки мои – Алашорда,
Лишь во имя Алаша к Аллаху зывали
Те, которых нельзя забывать никогда.

«Для Алаша я милость Аллаха просил
И, себя не щадя, выбиваясь из сил,
Был всегда за казахов, и если я плакал,
Это – плач о тебе, средь безвестных могил».

Да, от зыбки надгробие недалеке.
Жизнь – борьба и печаль... Что удержишь в руке!
Мустафу провожая, в суровую вечность
Уходил, бесконечно грустя, Алеке.

Как ты к цели стремился, мечтами объят.
Сколько дум передумал под ношей утрат!
Драгоценный, святой Мустафа, сын Чокая.
Ты ведь был Алихана духовный собрат.

²⁴ Махамбет – один из предводителей восстания 1836–1837 гг. в Западном Казахстане, гениальный поэт.

Тщетно счастье казахов мечталось ему.
Слишком верил он в чудо и рухнул во тьму.
После казни сподвижников горькую чашу
Довелось Мустафе осушить одному.

– Алеке,
Ты – измученной родины сын,
Раньше срока рождённый в степях исполин.
Эти люди, вставая потомству на помощь,
Руки тянут из бездны времён, из глубин.

– Алеке,
О, мудрец, что в борьбе был упрям.
Ни мгновенья забвению я не отдам...
Как холмами весеннего Талдыбейита²⁵
Ты ребёнком босым пробегал по цветам!

Бокейхана потомок, могучий казах.
Сын холмов! Ведь заря занялась на холмах.
Все преграды когда-нибудь сломят казахи,
Клевета вековая рассыплется в прах.

Словно алый цветок, я под солнцем возрасту
И, отныне людскую презрев клевету,
Буду странствовать я из столетья в столетье...
Жить без мудрости прадедов не вмоготу.

Вот уж тысячи разных мелодий звучат.
Слышу я, пробираясь сквозь времени чад,
Много тысяч речений – всё благоуханно!
Вот четырнадцать книг дорогого Ахана,
Чья жена обозначена в списке утрат²⁶.

Словно синее море – цветенья разлив.
Степь волнуется, тайной меня осенив...
О Магжане со мной говорили в Стамбуле,
На турецкий стихи его переложив.

Я просил, ощущая, как милостив Бог,
Для казахов удачи средь стольких тревог.
Грустным я Аймаутовым стал Жусипбеком²⁷,
Хоть роман «Ак билек» сочинить бы не смог.

– Юный мститель, ты видишь,
Застыл я в слезах,
Горе чёрное стиснуло в натиске грубом!
Ты вошёл... Сохнут слёзы на чёрных ветрах,
И Дулатовым к вам прихожу Мир-Якубом,
Без конца восклицая:
«Проснись, о, казах!»

²⁵ Талдыбейит – родной аул Алихана Бокейханова.

²⁶ Жена его пропала без вести в Костанае.

²⁷ Жусипбек Аймаутов – казахский писатель.

...Ни один, выбирая суровый удел,
Должностей многоденежных не захотел.
И в бессоннице я Шахзаду²⁸ вспоминаю,
Среди ночи её увели на расстрел.

Пусть суды нас осудят, бессильны они,
Не угаснут зажжённые мною огни.
Мой старик, горевавший, взбираясь на взгорье,
Вспоминается мне в невесёлые дни.

Так мы скудно с ним жили, а годы текли,
Дни и ночи сменялись, а где-то вдали
Начинали какие-то бодрые люди
Ворошить документы в архивной пыли.

Словно искры взвивались, светлы и легки.
Разгорались чуть тлеющих углей куски,
И всю душу твоё будоражило слово,
Словно ветер, летящий от Сары Арки.

Грусть моя, от рожденья со мной ты была,
Накопилась раздумий угрюмая мгла.
Я тогда Айбергеновым был Толегеном,
В тридцать лет от печалей сгоревшим дотла.

IX

«Был я с добрыми, с теми, кто пылко горит.
Если б знать, что за это и буду убит!
Всё мне чудится берег Тоқырауына,
Отчий Атакорым и Талдыбейит.

Мой народ, по следам ты идёшь ли моим,
От злосчастий сыновней молитвой храним?
Нет иной к долгожданному счастью дороги...
Зеленеет ли милый мне Атакорым?

Эта слабая поросль ещё зелена?
Юность, вспыхнув, угасла, дорога темна.
Я один на чужбине останусь навеки,
Но со мной златовласая эта Луна!²⁹»

...Нет покоя у смертника, нет потому,
Что вчера был на воле, и – брошен во тьму.
Задремал Алихан, и в московской темнице
Сон о родине милой приснился ему.

В сновиденье аул, столь знакомый, возник.
Неужели последний приблизился миг?
Нет, не пролил он слёз,
Провозвестник Алаша,

²⁸ Шахзада Ароновна Шонанова, прославленная казахская красавица, племянница Бахытжана Каратаева, жена учёного-энциклопедиста Телжана Шонанова. Эта супружеская чета была расстреляна в 1938 году.

²⁹ Имеется в виду супруга Алихана Бокейханова Ольга Яковлевна.

Драгоценный мудрец, был он духом велик.
Дым над кровлею вьётся, как пряди волос.
В дреме сладостной белый охотничий пёс.
И гора Аксоран³⁰ на закате мерцает.
Светлый день угасает, и сумрак прирос.

Там рассыпались овцы, здесь вперегонки
Стайка всадников юных летит вдоль реки.
И глядит на равнину задумчивый мальчик.
Там всплывают миражи и брезжат пески.

Это – он, Алихан,
В дальнем детстве своём.
Улетают мечты за степной окоём.
Долог путь из Москвы до земли, где когда-то
С черноглазой подругой гуляли вдвоём.

Кто бы ведал, что чёрная осень от вас
Там оставит лишь холмики в гибельный час.
...А бывало, с любимым отцом на могилу
Джучи, дальнего предка³¹, ходил ты не раз.

Знаю – всё сохранила людская молва –
Крови недруги ждали, чья совесть мертва.
Посылал он на волю сподвижникам письма,
А за тесной темницей бурлила Москва.

Разве мог позабыть он в плену у врага
Эти степи, где путь преграждала сайга!
Всё о маленьком он вспоминал Эскандире³²...
Нет, родных не увидеть, и петля туга!

Век жестокий страшит и личиной своей.
Знать бы нам хоть одну из бессчётных скорбей!
Как подумаю я о судьбе Искандера.
Ноет сердце моё, и ему всё больней.³³

В тучах дум я стою, озирая свой край.
Наши тюркские предки здесь шли на Китай.
Здесь в недолгий свой век образец благородства
Искандер нам явил, словно прадед Аблай.

И народ над погибшим заплакал навзрыд.
Солнце только всходило... И вот он убит.
Искандер слишком молод был чёрные годы,
Но потомком гигантов был юный джигит.

³⁰ Аксоран – горная вершина в Сарыарке, в южной части массива Кызыл-Арай.

³¹ Алихан Бокейханов, происходивший из ханского рода, как и все казахские чингизиды, был потомком Джучи-хана.

³² Искандер – сын Смагула Садвокасова (отравленного в Москве в 1933 году) и Елизаветы Алихановны Бокейхановой. Алихан Бокеханов сам растил своего внука с малых лет.

³³ Искандер Смагулович несовершеннолетним ушёл на фронт и пал смертью храбрых.

«...Может быть, позабыт я, и жребий мой скор...
Что бы значил твой пакостный смех, прокурор?
Так печально, что рядом здесь нет Шакарима,
Что один на зимовье средь сумрачных гор!

Слушай, брат, если мне суждено умереть,
Стань хранителем древнего кладбища впредь!»
Необычное дерево³⁴ там уцелело.
Боже мой, не устало оно зеленеть!

Это дерево... Рос близ него Искандер.
Всё оно не стареет другим не в пример.
Это – память священная об Алихане.
Перед чудом уверует и маловер.

Ключ к загадкам, которые мучают нас,
Тот отыщет, кто не прерывает намаз.
Государство, что создано нам Алиханом,
В предстоящих столетиях оплачем не раз.

Вместо эпилога

– Отошедшие к чуждым народам края,
Наши предки, родня дорогая моя,
Вы, батыры, что мчались на резвых тулпарах
И врагов сокрушали ударом копья!

Это вы матерей своих в белых платках
И красавиц, прославленных в прошлых веках,
Заставляли в жестокой разлуке заплакать,
Гнали пёсью породу с клинками в руках.

Дремлет степь моя, тянется снежный туман...
Вот уж снова подходит буранный акпан³⁵
И свирепые вихри несёт отовсюду.
– Предки, братья мои, ваш мне памятен жар!
Давит сердце печаль, будто ноша верблюда.
Чем-то нас наградит ледовитый кантар³⁶.
О, казахи, народ мой! Святая страна!
Я так нежно люблю вас во все времена.
Я теперь городской... Ах, испил бы шубата
Драгоценной верблюдицы аруана!³⁷

Я испил бы кумыса от той кобылицы,
Что двоих жеребцов родила и гордится...
Мать доила её в незапамятный год...
Не покинь, поддержи меня, славный народ!

³⁴ На могиле своих родителей Алихан Бокейханов (по основной специальности лесовед) собственноручно посадил дерево, привезённое из Бразилии. Оно до сих пор растёт в заповеднике Алихана Бокейханова, находящемся в Актогайском районе.

³⁵ Акпан – месяц, соответствующий февралю в казахском календаре.

³⁶ Кантар – месяц казахского календаря, соответствующий январю.

³⁷ Аруана – порода одногорбых верблюдов.

Если только защиту дарует Аллах,
Если крепко оружие держишь в руках,
Если сам ты надёжен, рассвета дождешься...
Подвести, оступиться – единственный страх!

Если наши красавицы в браке верны,
Если щёки способны гореть от стыда,
Если веру сберёг и завет старины,
Не замыслишь недоброе ты никогда.

Будут люди оплакивать Алашорду,
Всё минувшее ляжет на чашу весов.
Тех, кто честь потерял всей стране на беду,
Проклянут поколения, как бешеных псов.

* * *

Моют стены тюремные вихрей струи...
Где красавицы степи, где юрты мои?
Этот полог не тронь и ковров не топчи!
Все вы слишком надменны, мои палачи!
Ведь потомки придут Мустафы, Алеке,
А потомство твоё – словно след на песке.
Злобой ты изошёл, но порвут протокол,
Выйдет с яростью из берегов Сыр-Дарья.
Вновь кантар забурлит, что во гневе тяжёл...
Жили в наших краях Тоньюкук, Культегин³⁸,
И живут их потомки средь этих равнин.

– Алеке, Мустафа, где же ваша мечта?
О, не зря испещрили морщины чело!
Путь Алаша стал степью, она так пуста...
Стало лютой тоской то, что было светло,
Стало песней, которую ввысь из души
Отпустили, вздохнув, Илия и Шамши.
Сочинил эту песню печальный Чокай.
Не могу я не петь её... Скорби внимай!

Не могу я коня повернуть своего...
Крепнет звук...
И пронзительней нет ничего.

Над казахской землёй
Взвился стяг голубой.
Показалось, что мы перешли перевал.
Вот она, Независимость! – Родина, пой!
Вот и гимн воспарил высоко над толпой.
Все заплакали. Каждый в слезах подпевал.

* * *

Брат, кумыса хлебнув, задремал в холодке...
Вмиг рассеялась грусть нескончаемых дней.

³⁸ Культегин – каган, самый выдающийся вождь древнетюркских кочевников.

Плачет классик, вдыхающий запах тенге³⁹.
Блещут слезы в глазах у невестки моей.
Никогда не забудется день торжества –
Пробил час, чужеземная алчность мертва!
Согласились и Русь и Китай с этим днём.
В эту ночь пламя скорби утасло в груди.
Поднялась Астана в гордом взлёте своём.
Небывалая встала заря впереди.
С дивной вестью к соседям невестка бежит.
Как же был я взволнован! Свершилась судьба.
Государственных зданий меняется вид,
Всюду блеск моего – не чужого – герба!

А теперь всё обдумай и всё подытожь!
Ты в истории предков героев найдёшь,
Жизнь отдавших во имя народного блага.
Не забудь же заветов святых, молодёжь!

...В стародавние годы жестоким был мир,
В нем Жиделибайсана лишили нас подлю
И, увы, удержали садившихся в сёдла...
Оренбург⁴⁰ мне оплакивать или Жаир⁴¹?

Продолжателей всё же оставил Кадыр⁴² –
Туманбай у нас есть и Токаши Таир.
Пусть алашцев прибавится!

Верьте словам:
Повесть муки душевной оставляю я вам.
Этот грустный рассказ, это плач Касымхана,
Путь которого не был столь ровен и прям.

Перевод Михаила Синельникова

³⁹ Тенге – свежесвыпущенные в дни провозглашения Независимости казахстанские деньги, национальная валюта.

⁴⁰ Оренбург при размежевании остался в пределах России.

⁴¹ Жаир – название местности, оставшейся в пределах Китая.

⁴² Кадыр Мырзалиев, казахский поэт.